

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ИЗДАНИЕ БРАТСТВА СВ. ВЛАДИМИРА ПРИ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ.

1 Сентября	№ 25	1908 года.
------------	------	------------

— ○ ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ ○ —

„Ницшеанская мораль насилія и христіанское смиреніе въ ихъ отношеніи къ достоинству человѣческой личности“.

*Продолженіе *).*

Самый вѣрный способъ при оцѣнкѣ философской системы тотъ, чтобы каждое отдѣльное положеніе, каждая отдѣльная мысль составляла звено въ цѣпи остальныхъ мыслей, чтобы между ними было внутреннее логическое согласіе и единство, чтобы одно положеніе вытекало изъ другого, словомъ, чтобы вся система представляла стройное цѣлое. Тотъ философъ, который въ одномъ мѣстѣ говоритъ одно, а въ другомъ—другое, этимъ самымъ обезцѣниваетъ достоинство своего произведенія и самъ даетъ въ руки критики оружіе, которымъ легко побѣждается. Таковъ именно Ницше. Это философъ самыхъ

*) См. Епарх. Вѣд., № 24.

противуположныхъ мнѣній. Мы, кажется, не погрѣшимъ противъ истины, если скажемъ, что у него нѣтъ ни одной мысли, которую бы онъ самъ не опровергъ.

Построивъ свой культъ силы на атеизмѣ, онъ въ тоже самое время признаетъ, что безъ Бога человѣкъ существовать не можетъ. И самъ Ницше страстно ищетъ того Бога, которому его могильщики рыли яму. Вышеупомянутый безумецъ, который искалъ Бога, такъ говоритъ: «Какъ мы могли убить Бога? Кто далъ намъ губку, чтобы стереть весь горизонтъ? Какъ мы могли испить океанъ? Что мы сдѣлали, когда отдѣлили эту землю отъ ея солнца? Куда стремится она, куда стремимся мы теперь? Не падаемъ ли мы непрерывно назадъ, впередъ, въ сторону, во всѣ стороны?! Существуетъ ли еще верхъ и низъ? Не блуждаемъ ли мы въ безконечной пустотѣ? Не объаты ли мы дыханіемъ пустого пространства? Не стало ли оно холоднѣе? Не сгущается ли постепенно мракъ ночи надъ нами? Не должны ли мы зажигать фонарей утромъ?»¹⁾ Утрата Бога это—потеря солнца, а жизнь безъ Него—блужданіе во мракѣ вѣчной ночи. И не разъ во время частыхъ полуночныхъ прогулокъ, созерцая чудныя красоты природы, Ницше чувствовалъ бытіе Бога, и съ устъ его срывались слова: „возвратись, со всѣми твоими старыми мученіями возвратись! Мои слезы текутъ къ тебѣ! И мое послѣднее сердечное пламя—оно для Тебя, только для Тебя горитъ еще! О, возвратись, мой невѣдомый Богъ, моя скорбь, мое послѣднее счастье!“²⁾ Та же двойственность и противорѣчивость замѣчается и въ ученіи Ницше о происхожденіи челоуѣка. Этого послѣдняго Ницше считаетъ произведеніемъ слѣпыхъ, механическихъ силъ природы. Разумъ его одна изъ функций тѣлеснаго организма. Если это такъ, то Ницше долженъ привѣт-

¹⁾ Веселая наука.

²⁾ Такъ говорилъ Заратустра.

ствовать всё безъ исключенія инстинкты человѣка и не дѣлать между нами различія; на самомъ же дѣлѣ выходить иначе. Заратустра такъ говоритъ одному юношѣ, стремившемуся къ подобной свободѣ: «Ты еще на свободенъ, но только ищешь свободы. Въ свободную высь стремишься ты, звѣздъ жаждетъ душа твоя, но и твои дурныя влеченія также жаждутъ свободы. Твои дикіе псы стремятся на свободу; они лаютъ отъ радости въ своемъ подземельѣ, когда твой духъ стремится разрушить всё темницы. По моему, ты еще заключенный въ тюрьмѣ, мечтающій о свободѣ. Ахъ, умною дѣлается душа у такихъ заключенныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она становится коварной и дурной. Очистить себя еще долженъ освобождающійся духъ. Еще много ему нужно сбросить оковъ и гнили, чистымъ еще должно стать око его. Да, я знаю твою опасность. Но любовью моею и надеждой я заклинаю тебя: не бросай твоей любви и надежды. Ты еще чувствуешь себя благороднымъ и благороднымъ еще чувствуютъ тебя и другіе, кто не любитъ тебя и бросаетъ на тебя злые взгляды... не въ томъ опасность для благороднаго, что онъ станетъ добрымъ, а въ томъ, что онъ будетъ наглымъ, насмѣшникомъ и разрушителемъ. Ахъ! я знаю благородныхъ, потерявшихъ свою высшую надежду. И съ тѣхъ поръ они клеветаютъ на всё возвышенныя надежды. Съ тѣхъ поръ они безстыдно живутъ среди краткихъ удовольствій, и цѣлей ихъ хватаетъ едва на одинъ день. «Духъ есть тоже сластолюбіе», говорятъ они. И вотъ они сломали крылья у своего духа: съ тѣхъ поръ онъ ползаетъ и грязнитъ себя, угрызаясь. Когда то думали они стать героями, а теперь они—сластолюбцы».¹⁾ Здѣсь свобода инстинктовъ не одобряется изъ опасенія, чтобы она не погрузила духъ человѣка въ чисто животную жизнь. Если такъ, то не всё инстинкты имѣютъ право на свободу и культивированіе.

¹⁾ Ibid.

Отсюда легко перейти къ утверженію общеобязательности извѣстныхъ нормъ. И Ницше, не смотря на то, что самымъ рѣшительнымъ образомъ вооружается противъ этой общеобязательности, въ концѣ концовъ все таки признаетъ ее. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ Ницше оправдываетъ жизнь, если цѣнность ея опредѣляется субъективнымъ произволомъ? Не значитъ ли это, что онъ хочетъ доказать другимъ извѣстную цѣнность жизни, другими словами, представить объективную цѣнность, какою по его мнѣнію является «сила жизни», въ противоположность смерти? Но разъ нѣтъ одной общей цѣли, то и эта послѣдняя ничто иное, какъ самообманъ. Почему же—въ такомъ случаѣ мы должны разбивать старыя скрижали цѣнностей и принимать тѣ, которыя даетъ Ницше? А между тѣмъ онъ прямо предписываетъ: «ты долженъ дѣлать то-и-то», чтобы, хотя отчасти приблизиться къ сверхчеловѣку. Этимъ своимъ «ты долженъ» Ницше ставитъ ясную и опредѣленную цѣль индивидууму, чѣмъ, такъ сказать, реализируетъ безусловное, идеаль, потому что оцѣнивать что либо согласно идеѣ долга значитъ превращать должное въ сущее. Но такъ какъ это «ты долженъ» относится не къ одной опредѣленной личности, а ко всѣмъ, желающимъ подняться надъ уровнемъ своего «человѣческаго, слишкомъ человѣческаго существованія», то этимъ создается одна общая цѣль для всего человѣчества.

Предъявляя всѣмъ одну цѣль, Ницше становится на точку зрѣнія телеологическаго монизма: никакая эмпирическая цѣль не можетъ имѣть безусловнаго значенія, она не можетъ создать людей высшаго идеальнаго типа, но каждая изъ нихъ предполагаетъ другую, пока, наконецъ, мы не дойдемъ до конечной цѣли, къ идеѣ человѣка, какъ самоцѣли, къ идеѣ человѣчества, какъ царства самодовлѣющихъ личностей. Только въ этомъ случаѣ возможно предпочтеніе однихъ инстин-

ктовъ предъ другими, однихъ велѣній воли предъ другими, за что такъ ратуеть Ницше.

Сверхчеловѣкъ—вотъ общая цѣль для всего человѣчества, все, что способствуетъ приближенію къ нему вотъ тѣ обще-обязательныя нормы, котоія опредѣляютъ характеръ и достоинство поступковъ человѣка. Мысль не новая. И христіанство, устами своего Божественнаго Основателя побуждаетъ каждаго къ сверхчеловѣчеству: «будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный совершенъ есть». ¹⁾ По христіанскому возрѣнію сверхчеловѣчество—состоитъ въ богоуподобленіи, а обще-обязательной нравственной нормой, ведущей къ богоуподобленію, является любовь къ Богу и ближнему. Мы не будемъ анализировать это чувство—оно слишкомъ широко и велико. Мы остановимъ свое вниманіе на одномъ изъ главныхъ качествъ любви, которое составляетъ специфическую особенность этого чувства, сообщая ему ту нравственную цѣнность, благодаря которой, любовь занимаетъ центральное мѣсто въ христіанскомъ правоученіи. Мы разумѣемъ—смиреніе и кротость, противъ которыхъ со всею силою возставалъ Ницше, видя въ нихъ самыхъ главныхъ виновниковъ дряблости воли современныхъ людей. Вопреки ученію Ницше, мы съ категоричностью утверждаемъ, что не Ницшеанская мораль насилія возвышаетъ личность человѣка, сообщая ей истинное величіе, силу и мощь, а только христіанское смиреніе.

Съ самаго начала пробужденія сознательной жизни человѣкъ пытается отдать себѣ отчетъ во всемъ то, что его окружаетъ. Вниманіе его прежде всего останавливается на видимомъ мірѣ. Величіе и многообразіе природы поражаютъ его. Онъ старается изучить, постигнуть умомъ Законы, лежащіе въ ея основѣ. Сознательное пониманіе міровой жизни во всей ея необъятности приводитъ къ мысли о собственной ничтож-

¹⁾ Мѡ. 5, 48.

ности. По мѣрѣ умственнаго развитія человѣкъ все болѣе и болѣе убѣждается въ своемъ безсиліи, онъ чувствуетъ, что и самъ онъ, по крайней мѣрѣ одною частію своего бытія, является незначительной частицей того же самаго міра. Это еще болѣе упрочиваетъ въ немъ сознаніе ничтожества. Простирая далѣе свой умственный взоръ, человѣкъ постепенно приходитъ къ заключенію, что міръ въ свою очередь подчиненъ Высшему Существому. Человѣкъ еще болѣе проникается сознаніемъ своего ничтожества, которое достигастъ высшей степени напряженія, когда онъ дойдетъ до мысли, что то, что составляетъ отличительную сущность его природы: разумно—свободная душа тоже сотворена Высшимъ Существомъ и отъ Него зависитъ. Здѣсь это сознаніе доходитъ до кульминаціоннаго пункта, и постепенно, мало по малу, обращается въ такую постоянную настроенность души, когда человѣкъ чувствуетъ себя убогимъ духовно и тѣлесно. Онъ смотритъ на себя не какъ на автономнаго хозяина и распорядителя жизни, а только какъ на работника и наемника, ничего своего не имѣющаго, и не заслуживающаго получать то, что ему дано. Вотъ это состояніе души чувствовать себя ничтожнымъ и недостойнымъ милостей Бога, считать себя духовно нищимъ и есть христіанское смиреніе. Имѣя своимъ исходнымъ пунктомъ *правильное* пониманіе и изученіе жизни, а концомъ признаніе Бога единымъ Творцомъ и промыслителемъ, смиреніе является результатомъ отношенія человѣка къ Богу, свободнымъ, сознаннымъ на внутренней необходимости, полнымъ подчиненіемъ и покорностью Богу. Оно состояніе болѣе пассивное: не дѣлать и удаляться отъ всего того, что не согласно съ волей Бога. Но одна настроенность, хотя бы она была доброй и хорошей, не есть еще достоинство человѣка. Отъ него требуется не только развить и воспитать самого себя, но въ этомъ же духѣ дѣйствовать на другихъ. Когда смиреніе изъ потенциальнаго со-

стоянія переходить въ активное, тогда оно является кротостью. Оно, такимъ образомъ, ничто иное, какъ характеръ дѣятельности смиреннаго человѣка. Вполнѣ основываясь на смиреніи, какъ на своемъ фундаментѣ, кротость является показателемъ того содержанія духовныхъ силъ, которыми обладаетъ смиренный.¹⁾ Эти двѣ добродѣтели тѣсно и неразрывно связаны между собой, такъ что едва ли возможно существованіе ихъ порознь.²⁾ Смиренный, (внутренно) если не будетъ кроткимъ (внѣшне), является лишь мечтателемъ, льститъ самому себѣ, обманываетъ себя, и если кроткій не имѣетъ необходимаго внутренняго смиренія, то онъ лицемѣръ, въ иныхъ случаяхъ только человѣкъ такта, обстоятельствъ и времени, а не выразитель своего внутренняго состоянія и убѣжденій.³⁾

Таковъ естественно психологическій путь образованія того настроенія, которое называется смиреніемъ. Но этого еще недостаточно, чтобы оно сдѣлалось добродѣтелью. Не обходимо еще такое начало, которое естественному чувству придало бы характеръ возвышающій и облагораживающій человѣка. Такимъ началомъ является религія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ На это указываетъ греческое названіе смиренія «*πραΐτης, πραΐτης*» каковое обозначеніе въ Новомъ Заветѣ прилагается къ человѣку снисходительно-му, не раздражительному, кроткодѣйствующему по отношенію къ другимъ (1 Кор. 4, 21. Тит. 3, 2; Іак. 1, 21; 2 Кор. 10, 1)

²⁾ Вотъ почему многіе отцы и учителя церкви: Климентъ Александрійскій, Оригенъ, Амвросій Медиоланскій, Григорій Нисскій вслѣдъ за 3 стихомъ 5 гл. ев. Матѳея непосредственно поставляютъ 5 стихъ о кроткихъ.

³⁾ Существуютъ и другіе синонимичные термины для обозначенія той же христіанской добродѣтели, каковы: «смиреномудріе, привѣтливость, миролюбіе» и проч., стѣняющіе ту или иную сторону смиренія.